

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЭМИГРАЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Под редакцией Н. П. Полторацкого

**Отдел славянских языков и литератур
Питтсбургского университета
Питтсбург, 1972**

МАРК АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛДАНОВ:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

М. А. Алданов (псевдоним М. А. Ландау) родился в Киеве 7 ноября 1886 года. Его отцу, богатому промышленнику, принадлежало несколько сахарных заводов на Украине.¹ Алданов кончил два факультета Киевского университета — физико-математический и юридический, а также Школу общественных наук в Париже. Он много путешествовал, но после начала первой мировой войны он вернулся в Петербург, где был прикомандирован к заводу, выделяющему удушливые газы. В конце 1918 года он ездил в Париж и в Лондон «для изложения положения дел в России» с делегацией политических деятелей, принадлежавших к трем дореволюционным политическим партиям и объединенных в организацию под названием Союз Возрождения России.² В марте 1919 года, сейчас же после эвакуации французских войск, он выехал из Одессы и поехал через Константинополь и Марсель в Париж. Он был одним из редакторов только два месяца просуществовавшего парижского ежемесячника «Грядущая Россия», и стал потом постоянным сотрудником «Современных записок», где он дебютировал как беллетрист в 1921 году. В этом журнале, вплоть до его закрытия в 1940 году, печатались отрывки из романов Алданова, а также его многочисленные рецензии, литературно-критические статьи и очерки. Весной 1922 года Алданов поехал по делам в Берлин, где он стал сотрудничать в ежедневнике «Голос России». Там он обосновался, женился на своей двоюродной сестре Татьяне Марковне (урожденной Зайцевой) и оставался до весны 1924 года.³ От марта 1923 года до января 1924 года он редактировал воскресное литературное приложение к берлинскому ежедневнику «Дни», и продолжал сотрудничать в нем, живя, позже, во Франции. С начала октября 1925 года до 1928 года он редактировал часть прозы «Литературной недели» парижских «Дней». ⁴ Он тоже сотрудничал в газете «Последние новости», и печатался в журналах «Числа», «Иллюстрированная Россия», «Рус-

¹ A. Guershooon Colin. Mark Aldanov: An Appreciation and a Memory. — "Slavonic and East European Review", 1957, December, XXXVI, p. 37.

² М. А. Алданов. Из воспоминаний секретаря одной делегации. — «Последние новости», 1930, 20 апреля, стр. 2—3; 1930, 26 апреля, стр. 2—3; 1930, 22 мая, стр. 2—3.

³ Письма Алданова к И. А. Бунину от 25 апреля 1922 г. и 15 августа 1922 г.

⁴ Для дальнейших подробностей см.: М. Э. Грин. Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным. — «Новый журнал», 1965, кн. 80, стр. 273.

ские записки» и др. Выехав в конце 1939 в Нью-Йорк, он принимал деятельное участие в редактировании «Нового журнала», и с лета 1957 года на первой странице каждого номера он обозначен как основатель, вместе с М. О. Цетлином. После его возвращения в Париж в конце 1946 года и переселения в Ниццу в начале 1947 года, его вещи печатались в «Новом журнале» и в нью-йоркской ежедневной газете «Новое русское слово». Он скончался в Ницце 25 февраля 1957 года, а его жена скончалась в Париже 24 ноября 1968 года.

Собственно говоря, вся литературная деятельность Алданова прошла в эмиграции. Его книги выходили в таких издательствах, как «Слово», «Современные записки», «Русские записки», «УМСА-Press», издательство имени Чехова и издательство Литературного фонда. Но благодаря злободневности его тем и близости его произведений к западноевропейским литературным традициям, он пользовался широкой популярностью и среди нерусских читателей. Его книги переведены на двадцать четыре языка. Очерки о нем находятся в пособиях по литературе на английском, французском, немецком и русском языках, включая и Британскую и советскую Краткие Литературные энциклопедии. Его рассказы появлялись в таких американских журналах, как "Decision", "The New Leader", "The American Mercury". Роман «Начало конца», под заглавием "The Fifth Seal", был выпущен американским обществом Book of the Month Club в 1943 году, а пять лет спустя British Book Society остановило свой выбор на романе «Истоки» (по-английски "Before the Deluge". После 1933 года И. А. Бунин ежегодно выставлял кандидатуру Алданова на Нобелевскую премию.⁵

До эмиграции вышли только три произведения Алданова, все небеллетристического характера: его диссертация по химии «Законы распределения вещества между двумя растворителями» (1910),⁶ критический этюд «Толстой и Роллан» (1915) и «Армагеддон» (1918) — небольшая книжка, изданная на правах рукописи и сразу изъятая из продажи большевиками.⁷ Хотя по этим книгам трудно предугадать будущего исторического романиста, они свидетельствуют о постоянных интересах, занимавших Алданова всю жизнь:

1. Кроме опубликованного в 1910 году научного труда, Алданов был автором других исследований того же рода, включая статьи по химии, вышедшие на немецком, французском и русском языках. Парижское издательство Paul Nerman et Cie выпустило две его книги по химии „Actinochimie” (1936) и „De la possibilité de nouvelles découvertes en chimie” (1950).⁸ В «Ульмской ночи», книге размышлений,

---

⁵ М. Э. Грин, «Письма . . .», стр. 259.

⁶ Гершуна-Колуна. Алданов. — Там же.

⁷ Г. П. Струве. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956, стр. 115.

⁸ Эту книгу, написанную в период неудовлетворенности литературной деятельностью, он назвал «лучшим моим произведением» — в письме к Бунину от 3 марта 1936 г.

являющейся своего рода комментарием к романам, высказывается мысль, что наблюдательность и воображение так же нужны исследователю, как и художнику, и что следовательно творчество художника, способного иногда переключиться на исследовательскую деятельность, обогащается этой двойной перспективой. Л. Л. Сабанеев считает основной чертой всего творчества Алданова «научность мыслей и даже чувств»,⁹ и указывает на возможность, что на его решение посвятить жизнь литературе, а не науке, повлияли прежде всего условия эмиграции.¹⁰ Химики выступают как действующие лица многих его романов.

2. Этюд «Толстой и Роллан» обнаруживает уже зрелого и уверенного в себе критика с изумительным знанием западноевропейской культуры и совершенным мастерством изящного, иронического стиля. В этой монографии автор очень хвалит два романа двух романистов, оказавших наибольшее влияние на него самого: «Война и мир» Л. Н. Толстого и „Les dieux ont soif“ («Боги жаждут») Анатоля Франса. Обсуждая разлад между художником и проповедником в литературном облике Толстого, которого Алданов называет величайшим писателем мировой литературы, ученик словно полемизирует с учителем. Став сам беллетристом, Алданов как будто поставил себе целью исправить несколько неточностей в противоречивых ответах Толстого на поднятые им вечные вопросы. Поэтому можно считать это критическое исследование своего рода путеводителем по всему беллетристическому творчеству Алданова. Начатый в 1911 году этюд¹¹ является фрагментом: рукопись второго тома погибла в России, когда автор уехал за границу.¹² Вторая часть первого тома, посвященная Толстому, вышла отдельной книгой под заглавием «Загадка Толстого» в 1923 году и была переиздана в 1969 году как седьмой выпуск в серии по славистике Браунского университета.

3. «Армагеддон» представляет собой сборник заметок и отрывков на политические и литературные темы.¹³ Часть первого номера «Грядущей России» составили другие отрывки, собранные под заглавием «Огонь и дым». В них были прямые комментарии на злободневные вопросы, а также иронические сопоставления сходных политических ситуаций прошлого и настоящего, то от лица автора, то в форме стилизованных разговоров. Жанр отрывков позволяет писателю свободно высказываться без соблюдения условностей фабу-

---

⁹ Л. Л. Сабанеев. Об Алданове: к 2-летию со дня кончины. — «Новое русское слово», 1959, 1 марта.

¹⁰ Л. Л. Сабанеев. М. А. Алданов: к 75-летию со дня рождения. — «Новое русское слово», 1961, 1 октября.

¹¹ Письмо Алданова к Бунину от 7 июля 1936 г.

¹² М. А. Алданов. От автора. — «Загадка Толстого», Берлин, 1923, стр. 4.

¹³ А. Жерби. Ницца — беседа с М. А. Алдановым. — «Новое русское слово», 1956, 9 октября.

лы и тем отвечает склонностям Алданова к политико-философским афоризмам. Алданов продолжал писать отрывки, как таковые, на всем протяжении своей литературной деятельности; вместе с тем он развивал их в другие жанры, требующие большей строгости замысла и аргументации. Прямые политические комментарии, подвергнутые научно-методологической обработке, превращались в небеллетристические статьи и такие книги, как „Lénine“ (1919), „Deux révolutions: la révolution française et la révolution russe“ (1921), „La politica estera dei Soviets“ (1922) и „L'enjeu des neutres“ (1939). Сопоставление прошлого и настоящего лежит в основе не только беллетристики, но и многочисленных очерков, опубликованных в периодической печати и частично собранных в книгах «Огонь и дым» (1922), «Современники» (1928), «Портреты» (1931), «Земли, люди» (1932), «Юность Павла Строганова и другие характеристики» (1934) и «Новые портреты» (1936). Стилизованные разговоры преобразовались в условные диалоги, составляющие фон книги размышлений «Ульмская ночь: философия случая» (1953). Подобные диалоги, где разговор ведется как игра мысли, а не для продвижения действия, повторяются почти во всех романах Алданова. В меньшем масштабе, диалог мотивирует драматизацию философских обобщений в рассказах Алданова, часть которых была переведена на английский язык и составила сборник под заглавием „A Night at the Airport“ (1949). Рассказ „Exterminator“, напечатанный в 1948 году в «Новом русском слове», был переиздан отдельно в том же году (и в 1967 году) под заглавием «Истребитель».

Крупные беллетристические произведения Алданова охватывают почти два столетия. Последовательность их публикации соответствует внутренней их хронологии следующим образом.

Заглавие	Годы охваченные действием	Год отдельного издания
Пуншевая водка	1762	1940
Десятое термидора	1792—1794	1923
Чёртов мост	1796—1799	1925
Заговор	1800—1801	1927
Десятая симфония	1815—1854	1931
Святая Елена, маленький остров	1821	1923
Могила воина	1822—1824	1940
Повесть о смерти	1847—1850	1969
Истоки	1874—1881	1950
Самоубийство	1903—1924	1958
Ключ	1916—1917	1930
Бегство	1918	1932
Пещера	1919—1920	1934—1936
Начало конца, часть первая ¹⁴	1937	1938
Живи как хочешь	1947—1948	1952
Бред	1953	_____ ¹⁵

¹⁴ Вторая часть романа никогда не появилась в печати.

¹⁵ Отрывки из этого романа публиковались в «Новом журнале» в

Каждая книга в отдельности составляет законченное целое, но в то же время все они, вместе взятые, связаны между собой сложной цепью повторяющихся тем. Чаще всего мотивы эти воплощены в персонажах, которые или появляются в нескольких романах подряд, или упоминаются из романа в роман — то друзьями, то родственниками, то потомками. Эти произведения не равны по длине, структуре и исторической перспективе. Первая по композиции книга, «Святая Елена, маленький остров», представляет собой словно элегию в прозе на любимую алдановскую тему о суете сует, показанную через воссоздание последних дней Наполеона. В повести вскользь упоминается молодой русский офицер, который становится центральным вымышленным персонажем трех последующих романов. В этих произведениях вымышленные люди оттеняют блестяще обрисованные исторические лица и отражают тему иронии судьбы в необщественном плане. Все эти книги составляют тетралогия, посвященную французской революции и наполеоновским войнам, под общим заглавием «Мыслитель». Мыслитель этот, центральный символ цикла, — *diable-penseur*, облокотившаяся на вершине собора Парижской Богоматери статуя мелкого беса, который смотрит высунув язык на все, что творится внизу.

Еще в 1923 году, не окончив тетралогии, Алданов начал работу над серией романов, в которых тематическим центром служит октябрьская революция.¹⁶ В них авторское внимание уделяется почти целиком вымышленным персонажам: исторические лица мелькают лишь эпизодически и ненадолго, по тем или иным символическим соображениям. То же можно заметить и в других романах с современной обстановкой, за исключением «Самоубийства». Но даже там, где главное действие происходит в двадцатом веке, вставные исторические произведения дают взгляд в прошлое. Химик в «Пещере» пишет новеллу о тридцатилетней войне, и галлюцинация героя «Бреда» включает новеллу о графе Сен-Жермене. Писатель в «Начале конца» размышляет «отрывками» о Гете и декламирует о «Реквиеме» Моцарта. «Живи как хочешь» содержит протокол о суде и казни ведьмы семнадцатого века, а также две пьесы: одну современную, где речь идет о древней китайской легенде, и другую историческую, где видное место занимает маркиз де Лафайет. Перу Алданова, кстати, принадлежит еще одна современная пьеса, «Линия Брунгильды», написанная в 1930 году и поставленная на сцене семь лет спустя Русским театром в Париже. В 1924 году Алданов служил историческим консультантом для фильма о Наполеоне.¹⁷ В нескольких письмах Алданова к Бунину обсуждаются совместные фильмовые планы, не приведшие, однако, к конкрет-

---

1954—1955 и 1957 годах; в 1957 году вышел английский перевод под заглавием "Nightmare and Dawn", но нет отдельного русского издания. Это единственная беллетристическая вещь без лейтмотивов, связывающих ее прямо с другими произведениями.

¹⁶ Письмо Алданова к Бунину от 21 февраля 1931 г.

¹⁷ Письмо Алданова к Бунину от 13 августа 1924 г.

ным результатам.¹⁸ Кинематографическая среда сатирически изображена в романе «Живи как хочешь». В архивах Алданова имеются французские машинописи сценариев по современной пьесе, основанной на этом романе, а также по повести «Десятая симфония». Они хранятся теперь у племянника Алданова, Александра Яковлевича Полонского.

Три беллетристических произведения своеобразно возобновляют традицию вольтеровской философской повести. «Десятую симфонию» Алданов в предисловии приближает именно к этому жанру, с оговоркой, что к ней лучше всего подходит определение «символическая повесть». По подзаголовку «Пуншевая водка» является «сказкой о всех пяти счастьях», а «Могила воина» «сказкой о мудрости». По словам автора в предисловии, можно считать «Десятую симфонию» повествованием о «волнующей связи времен». Все три книги иллюстрируют некое философское обобщение на фоне событий и людей прошлого. Действие «Десятой симфонии» начинается во время Венского Конгресса и доходит до Третьей Империи, с приложением очерка о провокаторе Азефе, где биография современного злодея дана как иронический ответ на наивное мимолетное замечание персонажа из повести. В этих миниатюрных вещах вновь уделяется много внимания историческим лицам. В «Пуншевой водке» выступают Ломоносов и Алексей Орлов, в «Могиле воина» действуют Байрон и Александр I, а главными персонажами «Десятой симфонии» являются граф Андрей Кириллович Разумовский, Бетховен и французский миниатюрист Изабе. К этим вещам примыкают по замыслу «Святая Елена, маленький остров», повесть об иронии судьбы, и «Повесть о смерти», где автор сопоставляет различные взгляды на смысл жизни, носителями которых являются вымышленные персонажи и такие исторические лица, как Бальзак и французский ученый Луи Араго.

Романы «Истоки» и «Самоубийство» — по мнению многих критиков, самые значительные произведения Алданова — сочетают выдуманную фабулу, исторические портреты и политико-философские размышления, которые существуют рядом на равных правах и дополняют друг друга. В обеих книгах автор ставит себе целью осмысление октябрьской революции, той исторической катастрофы, которая определила судьбу его и всего его поколения. «Истоки» возводят события 1917 года к их истокам в девятнадцатом веке и выводят среди исторических лиц таких людей, как Гладстон, Бакунин, Маркс, Вагнер и террористы-народовольцы, убившие Александра II первого марта 1881 года. «Самоубийство» показывает, как Европа первых двух десятилетий двадцатого века уничтожает себя, сама того не зная. В этом романе изображены Эйнштейн, Муссолини, Ленин и многие другие политические деятели самых разных направлений.

Определяя особенности исторического романа, Алданов утвер-

---

¹⁸ Для дальнейших подробностей см.: М. Э. Грин. Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным. — «Новый журнал», 1965, кн. 81, стр. 110.

ждает, что исторический романист должен усвоить художественные приемы Толстого, которые он отождествлял с тем, что французы называют методом Стендаля.¹⁹ В другом месте он цитирует самого Стендаля: «Ремесло романиста — познавать причины человеческих поступков», и дальше уточняет: «... в переводе на язык строгой литературной теории получается старое, верное и точное определение — действие, характеры и стиль».²⁰ В. Вейдле применяет к романам Алданова слова Пушкина: «... под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в выдуманном повествовании», хотя он там же приводит фразу из предисловия к «Бегству», где Алданов утверждает, что «... на фоне перешедших в историю событий только проявляются характеры людей».²¹ В более общих терминах он определяет взаимоотношения персонажей и эпизодов в историческом романе так: «Искусство исторического романа сводится (в первом сближении) к 'освещению внутренностей' действующих лиц и к надлежащему пространственному их размещению, — к такому размещению, при котором они объясняли бы эпоху и эпоха объясняла бы их».²²

Действие алдановских вещей сложное и захватывающее. В романе он видит «самую свободную форму искусства, частично включающую в себе и поэзию, и драму (диалог), и публицистику, и философию».²³ Занимательность его книг²⁴ покоится не только на умелом построении,²⁵ но и на элементе уголовщины, присущем им всем. Заговоры, убийства общественных деятелей, революции и контрреволюции играют роль во всех его произведениях, где впервые в русской литературе политика рассматривается систематически и беспристрастно с точки зрения философии. Развертывание сюжета соединяет напряжение приключенческого романа с эрудицией научного исследования. Точность алдановских сведений всегда безупречная, и автор приводит в каждой новой вещи факты и лица, мало известные большинству читателей, независимо от их исторических познаний и интересов.

Характеры составляют самый сильный и в то же время самый слабый элемент алдановского творчества. В них постоянно сталкивается философия и психология, и схватка начала умственного с началом иррациональным оканчивается вничью. В этой борьбе будто бы не принимает никакого участия автор, который констатирует,

---

¹⁹ М. А. Алданов. (Рец. на книгу) П. Муратов. Эгерия. — «Современные записки», 1923, № 15, стр. 406.

²⁰ М. А. Алданов. О романе. — «Современные записки», 1933, № 52, стр. 436.

²¹ В. Вейдле. (Рец. на книгу) М. А. Алданов. Бегство. — «Современные записки», 1932, № 48, стр. 474.

²² М. А. Алданов, рецензия на «Эгерию».

²³ М. А. Алданов, «О романе», стр. 435.

²⁴ Г. П. Струве, «Русская литература в изгнании», стр. 118; Г. В. Адамович по-своему применяет это слово к творчеству Алданова в посвященном ему очерке книги «Одиночество и свобода», стр. 129.

²⁵ Г. П. Струве, «Русская литература в изгнании», стр. 271.

но никогда не проповедует. Общепринято мнение, что Алданов ни во что не верит.²⁶ Точнее, он во всем сомневается — принцип декартовского сомнения, уже намеченный в «Толстом и Роллане»,²⁷ становится целой «философией случая» в «Ульмской ночи». Алданов подвергает своих персонажей таким испытаниям, что они не могут не задавать себе серьезных вопросов о смысле жизни. Ирония судьбы сводит все их надежды на нет, и рано или поздно все они принуждены кое-как примириться с неизбежным. Самые умные из них, многочисленные резонеры всех романов, приходят к величественным нигилистическим выводам излюбленной Алдановым книги Экклезиаста, но признавая суету сует, они почти никогда не уходят добровольно из проклинаемой ими жизни. В области отвлеченного мышления Алданов максималист, но как психолог он гораздо консервативнее. Его персонажи лишены духовного искательства героев Достоевского и Толстого: преемственность культуры волнует их больше, чем бессмертие души. Они ищут моральной опоры в фактах, которые они могут доказать и проверить умом, в полном сознании власти слепого случая над всеми. Силу жить они должны найти в самих себе. В этом безрадостном антропоцентризме Сабанеев видит то отсутствие центральной вдохновляющей идеи,²⁸ то отказ от «возвышающего обмана».²⁹ Предельный скептицизм алдановских персонажей продолжает традицию «беспощадной правдивости», которую автор считает особенностью русской классической литературы.³⁰ Но психологические типы Алданова далеко не исчерпываются его красноречивыми скептиками. Так же, как сочетаются «большая» и «малая» история в его публицистике, взаимодействуют в романах персонажи философствующие и действующие, комментирующие жизнь и участвующие в ней. Каждый судит по своему личному опыту, и заключения динамичных лиц нередко отличаются от итогов мыслителей. Со свойственным ему беспристрастием автор наделяет одних и других их собственной правдой.

В произведениях Алданова часто сопоставляются исторические и выдуманные лица, а также мужчины и женщины. Одни и те же философские предпосылки и психологические принципы лежат в основе изображения их всех. Для публицистических этюдов Алданов подбирает людей, ставших выдающимися по какой-то случайной внешней причине, чтобы исключением парадоксально доказать то или иное правило. Известность этих людей гарантирует им неприкосновенность: разоблачая их слабости, автор только приближает их к среднему читателю. То же отрицание героизма переносится и на изображение вымышленных персонажей, несколько обесцвечивая их. Вейдле сравнивает героев Алданова, которые «на-

---

²⁶ Л. Л. Сабанеев, «к 2-летию со дня кончины . . .»

²⁷ «Толстой и Роллан», стр. 303.

²⁸ Л. Л. Сабанеев, «к 75-летию со дня рождения . . .»

²⁹ Л. Л. Сабанеев, «к 2-летию со дня кончины . . .»

³⁰ М. А. Алданов. О новой книге Бунина. — «Последние новости», 1929, 18 июля, стр. 3.

поминают нам наших знакомых», с героями русского классического романа, «более истинно сущими, более живыми, чем те, с кем нас сталкивает сама жизнь». ³¹ В этом строгом внимании к правдоподобию, хотя бы и самому прозаическому, есть доля вызова великим русским мифотворцам девятнадцатого века, — если судить по воспоминаниям о поездке в Европу в 1918 году: «Настасья Филипповна, как известно, бросила в печку 100 000 рублей... Теперь Настасья Филипповна, быть может, служит в парижском шляпном магазине, и очень сожалела бы о сожженных деньгах, если бы она и в самом деле их сожгла. О политическом вреде, принесенном ею России, она не подозревает». ³² Многие женщины Алданова представляют собой как бы исправленные версии таких знаменитых женских образов, как inferнальные женщины Достоевского, тургеневская девушка, Анна Каренина и даже Наташа Ростова. Поразительнее всего у него выходят скромные, преданные жены и женщины легкого поведения, черты которых часто заимствованы у подобных дам в исторических очерках. Женские персонажи принадлежат к действующим лицам Алданова, а мужчины чаще всего к философствующим. Резонеры, *настоящие* люди романов, обыкновенно совсем одиноки, уже не молоды, испытаны богатым жизненным опытом и равнодушны ко всем «обманам», соблазняющим большинство людей. ³³ Но рядом с мизантропами выступают в каждом романе Алданова жизнерадостные мужчины всех возрастов и самых разных убеждений, включая нескольких замечательно симпатичных пошляков. Выдуманым женщинам и мужчинам Алданова не хватает размаха людей в очерках, но они имеют одно громадное преимущество над историческими лицами. Автор может экспериментировать с ними, испробовать их в разных жизненных обстоятельствах, проверить их умение приспособиться к тому, что они не могут изменить. Алданов остался всю жизнь верен принципу декартовского сомнения, и в конечном счете эта верность привела к подтверждению излюбленного им изречения Анатоля Франса: «Все возможно, даже торжество добра». Снисходительность, предложенная в «Десятой симфонии» как средство против мизантропии, начинает мало-помалу оказывать все большее влияние на персонажей его дальнейших произведений. Философствующие находят освобождение от гнета недоброжелательной судьбы путем служения идеалу древнегреческой красоты-добра в немногих еще возможных несомненных его формах. Действующие посвящаются тому же идеалу без пышных слов, по инстинкту, который автор рассматривает все пристальнее и благосклоннее. В последних романах мелькают предположения о том, что любовь и преданность отдельного чело-

³¹ В. Вейдле, рецензия на «Бегство», стр. 473.

³² М. А. Алданов, «Из воспоминаний секретаря одной делегации», 1930, 22 мая, стр. 2.

³³ В письме от 16 марта 1933 г. Алданов писал В. Н. Буниной: «А вот вчера о себе прочел во французской газете: *On voudrait lui appliquer cette admirable réflexion que Taine a faite un jour sur Mérimée: 'Il ne voulait pas être dupe de la vie, et fut dupe de sa méfiance'*. Умно».

века по отношению к другому человеку могут обеспечить подобие земного счастья и бессмертия души.

Стиль повествования и диалога меняется соответственно жанровым требованиям многопланых алдановских романов. Отсюда в них получается полифония интонации. Одна тональность постоянно сменяется другой. Голос всезнающего автора-очеркиста звучит «горько, трезво и умно»,³⁴ а вымышленные персонажи гораздо полнозвучнее и разнообразнее в своих выражениях. Разговорные словечки и повествовательные стилизации часто дают местный или временной колорит, но при всем том основным лингвистическим фоном Алданова остается русский литературный язык второй половины девятнадцатого века. Называя его «литературным старообрядцем»,³⁵ Сабанеев указывает на его «идеальную чистоту и тщательность письма... крепость фразы, ее постоянную ясность, прозу без малейшего оттенка 'поэтичности'». ³⁶

И в жизни и в творчестве Алданов руководствовался правилом Декарта: „*Bene vixit bene qui latuit*“ («Хорошо жил тот, кто хорошо скрывал»). По свидетельству людей, знавших Алданова, тот же скептический пессимизм, та же двойственность по отношению к жизни характеризовали и его как человека и писателя.³⁷ Но бесспорно утверждение Н. И. Ульянова, что «писательское лицо не тождественно с житейским обликом его носителя». ³⁸ Андрей Левинсон констатирует, например, что Алданов разрушает преемственные легенды «с ожесточенным хладнокровием». ³⁹ Г. В. Адамович слышит «сдержанный, приглушенный лиризм» на страницах, где говорят скептики,⁴⁰ и видит за скромной вежливостью Алданова по отношению к читателю основную смелость и твердость его творчества, целиком ориентированного на принцип честности и правдивости, без всякой приправы или украшения.⁴¹ Высокие личные качества Алданова остаются вне сомнения. Сабанеев отмечает его «моральный облик изумительной чистоты и благородства... благожелательность, неизменную скромную доброту... большую моральную чистоту»,⁴² а Адамович указывает на его «совершенное душевное джентльменство»⁴³ и «подчеркнутую корректность». ⁴⁴

---

³⁴ Г. П. Струве, «Русская литература в изгнании», стр. 272.

³⁵ Л. Л. Сабанеев. Мои встречи с Алдановым: I. — «Новое русское слово», 1957, 21 мая.

³⁶ Л. Л. Сабанеев, «к 75-летию со дня рождения...»

³⁷ Ср. «Мои встречи с Алдановым: I» Сабанеева и «Мои встречи с Алдановым» Адамовича, «Новый журнал», 1960, кн. 60, стр. 107—115.

³⁸ Н. Ульянов. Алданов-эссеист. — «Новый журнал», 1960, кн. 62, стр. 120.

³⁹ Левинсон. Очерки из литературной жизни — «Девятое термидора». «Последние новости», 1922, 15 февраля.

⁴⁰ Г. В. Адамович, «Одиночество и свобода», стр. 135.

⁴¹ Там же, стр. 144—146.

⁴² Л. Л. Сабанеев, «к 75-летию со дня рождения...»

⁴³ Г. В. Адамович, «Мои встречи с Алдановым», стр. 108.

⁴⁴ Там же, стр. 113.